

СЕРАФИНА
и
ЧЕРНЫЙ ПЛАЩ

СЕРАФИНА
и ЧЕРНЫЙ
ПЛАЩ

Перевод с английского Марии Торчинской

РОБЕРТ БИТТИ

Москва

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44
Б66

Robert Beatty
SERAFINA AND THE BLACK CLOAK
This edition is published by Disney •
Hyperion, an imprint
of Disney Book Group

Битти, Роберт.

Б66 Серафина и черный плащ / Битти Р. —
Москва : Издательство АСТ, 2016. — 320 с. —
(Приключения Серафины).

ISBN 978-5-17-097328-6

В роскошном особняке мистера Вандербильта всегда множество гостей — богатых, знатных, знаменитых. Но никто не догадывается, что в подвале огромного дома живет очень необычная маленькая девочка Серафина, которая умеет отлично ловить мышей и крыс. Когда в дом приходит беда и начинают пропадать дети, именно Серафина решает найти похитителя и сразиться с ним. Ее лучшими друзьями и помощниками становятся племянник хозяина дома Брэден и его черный доберман Гидеан. Борясь за жизнь и счастье окружающих, Серафина неожиданно узнает удивительную тайну своего происхождения и находит собственное место в мире.

УДК 821.111-053.2(73)
ББК 84(7Coe)-44

© М. Торчинская, перевод на
русский язык, 2016
© Text copyright © 2015 by Robert
Beatty
All rights reserved. Published by
Disney, Hyperion, an imprint of
Disney Book Group.
© ООО «Издательство АСТ», 2016

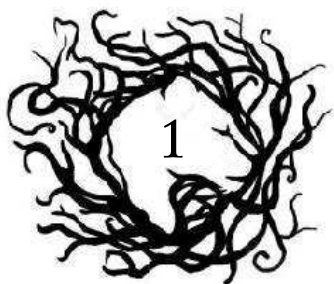
ISBN 978-5-17-097328-6

Моей жене Дженифер, которая помогала мне
сочинять эту историю с самого начала.

И нашим девочкам — Камилле, Женевьеве
и Элизабет, — которые для нас всегда будут
первыми и главными слушателями.

Поместье Билтмор
Эшвилл, Северная Каролина
1899

Серафина открыла глаза и внимательно осмотрела полутемную мастерскую в надежде заметить крыс, которые оказались настолько глупы, что осмелились явиться на ее территорию, пока она спала. Девочка знала, что они где-то здесь, за пределами ее ночного видения, прячутся в тенях и трещинах обширного подвала под огромным особняком, готовые стянуть все, что плохо лежит на кухнях и в кладовых. Большую часть дня Серафина дремала в своих любимых укромных местечках, но именно здесь, свернувшись на старом матрасе за ржавым паровым котлом в безопасности мастерской, она по-настоящему чувствовала себя дома. С грубо сколоченных стропил свешивались молотки, отвертки и прочие инструменты, и воздух был насквозь пропитан

знакомым запахом машинного масла. Вглядев-шись и вслушавшись в окружающую ее темноту, Серафина сразу подумала, что сегодня отличная ночь для охоты.

Много лет назад ее папаша работал на строительстве Билтморского поместья и с тех пор так и жил, ни у кого не спросясь, тут, в подвале. Сейчас он спал на топчане, который потихоньку сколотил себе позади длинной стойки с припасами. В старой железной бочке еще светились угли: на них отец несколько часов назад приготовил ужин — курицу с овсянкой.

За ужином они жались поближе к огню, чтобы хоть немного согреться. И, как всегда, Серафина съела курицу, а овсянку оставила.

— Доедай, — заворчал папаша.

— Уже доела, — ответила она, отставляя полупустую жестяную тарелку.

— Все доедай, — проговорил он, подталкивая тарелку обратно, — а то так и останешься размером с поросенка.

Папаша всегда сравнивал Серафину с поросенком, когда хотел вывести из себя. Он надеялся разозлить ее до такой степени, что она сгоряча проглотит мерзкую овсянку. Но она на это не купится. Больше не купится.

— Ешь овсянку, поросенок, — не унимался отец.

— Я не буду есть овсянку, па, — ответила Серафина, слегка улыбнувшись, — сколько бы ты ее передо мной ни ставил.

— Но это же просто перемолотое зерно, девочка моя, — сказал он, вороша палкой горящие ветки, чтобы они легли так, как ему хотелось. — Все любят зерно. Все, кроме тебя.

— Ты же знаешь, я не выношу ничего зеленого, или желтого, или всякой гадости вроде овсянки, па, так что хватит ругаться.

— Если б я ругался, ты б не такое услышала, — проговорил он, тыча палкой в огонь. — Но тебе надо доесть ужин.

— Я съела то, что съедобно, — ответила она твердо, словно подводя черту.

Потом они забыли про овсянку и заговорили о другом.

Вспомнив ужин с отцом, Серафина невольно улыбнулась. Что может быть лучше, — не считая, скажем, сладкого сна на согретом солнцем подоконнике подвального окошка, — чем добродушная перепалка с папашей.

Осторожно, чтобы не разбудить его, Серафина поднялась с матраса, тихо пробежала по пыльному каменному полу мастерской и выскользнула в длинный коридор. Она еще терла глаза спросонья и потягивалась, но уже ощущала легкое волнение. Тело трепетало в предвкушении новой ночи. Ее чувства пробуждались, мышцы наливались силой, словно у совы, расправляющей крылья и выпускающей когти перед тем, как отправиться на свой полуночный промысел.

Она беззвучно двигалась мимо прачечных, кладовых и кухонь. В течение дня подвальные помещения кишмя кишели слугами, но сейчас

езде было пусто и темно, именно так, как ей нравилось. Она знала, что Вандербильты и их многочисленные гости спят на втором и третьем этажах прямо над ней. Но здесь царила тишина. Ей нравилось красться по бесконечным коридорам мимо погруженных во мрак кладовых. Она узнавала на ощупь, по игре отблесков и теней, каждый изгиб и поворот коридора. В темное время суток это было ее, и только ее, царство.

Впереди раздалось знакомое шуршание. Ночь быстро вступала в свои права.

Серафина замерла. Прислушалась.

Через две двери отсюда. Шорох маленьких лапок по ничем не прикрытому полу. Она крадучись пошла вдоль стены, но, едва звуки смолкли, тут же остановилась. Как только шорох возобновился, она снова сделала несколько шагов. Этому приему Серафина научилась сама еще лет в семь: двигайся, когда они двигаются, замирай, когда они затихают.

Теперь она уже слышала их дыхание, стук коготков по камню, шелест, с которым хвосты волочились по полу. Она ощутила привычную дрожь в пальцах; мышцы ног напряглись.

Серафина скользнула в приоткрытую дверь кладовки и сразу разглядела их в темноте: две здоровенные крысы, покрытые грязно-бурым мехом, выбрались друг за дружкой из водосточной трубы в полу. Совершенно очевидно, что новенькие: вместо того, чтобы слизывать заварной крем со свежей выпечки в соседней комнате, они бестолково гонялись здесь за тараканами.

Не издав ни звука, не поколебав даже воздуха, она шагнула к крысам. Ее глаза неотрывно следили за ними, уши улавливали малейший звук, нос чуял их отвратительный помоечный запах. А они продолжали мерзко копошиться, даже не замечая ее.

Она остановилась всего в паре шагов от них, в густой тени, готовая кинуться в любой момент. Как она любила этот миг перед самым броском! Ее тело едва заметно качнулось, выбирая положение, из которого лучше всего напасть, а затем рванулось вперед. Одно молниеносное движение — и она уже держала голыми руками обеих визжащих, сопротивляющихся крыс.

— Попались, мерзкие твари! — прошипела она.

Маленькая крыса, охваченная ужасом, отчаянно извивалась, пытаясь вырваться, но та, что покрупнее, извернулась и укусила Серафину за руку.

— Без фокусов, — зарычала девочка, стискивая крысиную шею между большим и указательным пальцами.

Крысы бешено сопротивлялись, но Серафина держала крепко. Это умение пришло к ней не сразу, но постепенно она поняла: если уж поймала, то вцепись и держи изо всех сил несмотря ни на что, не обращая внимания на острые когти и чешуйчатые хвосты, которые норовят обвиться вокруг твоей руки, словно гадкие серые змеи.

После нескольких мгновений яростной борьбы подуставшие крысы осознали, что им не

вырваться. Обе затихли, подозрительно уставившись на нее черными глазками-бусинками. Укусившая крыса дважды обвила длинный чешуйчатый хвост вокруг руки Серафины и явно готовилась к новому рывку.

— Даже не пытайся, — предупредила она.

Укус еще кровил, и у нее не было никакого желания продолжать эту крысиную возню. Серафину кусали и раньше, и это всегда ее злило.

Крепко сжимая мерзких тварей в кулаках, она пошла по коридору. Приятно было еще до полуночи поймать двух крыс, особенно таких, — они были из тех гадин, что прогрызали мешки с зерном и скидывали яйца с полок, чтобы слизать растекшееся по полу содержимое.

Поднявшись по старым каменным ступеням, Серафина выбралась во двор, а затем прошла насквозь через поместье до самой опушки леса и только тогда швырнула крыс в палую листву.

— Убирайтесь и не вздумайте вернуться, — крикнула она. — В следующий раз я буду не так любезна!

Крысы стремительно прокатились по земле, затем замерли, дрожа и ожидая смертельного броска. Но броска не последовало, и они изумленно обернулись.

— Сматывайтесь, пока я не передумала, — пригрозила Серафина.

В мгновение ока они исчезли в высокой траве.

Бывали времена, когда пойманным крысам везло гораздо меньше, чем этим двум, когда она оставляла мертвые тушки возле отцовской кро-

вати, чтобы он увидел результаты ее ночной работы. Но это было тысячу лет назад.

С раннего детства Серафина внимательно наблюдала за мужчинами и женщинами, которые трудились в подвальных помещениях, и знала, что каждый из них выполняет определенную работу. Обязанностью отца было чинить обычные и грузовые лифты, оконные механизмы, систему отопления и другие механические приспособления, от которых зависела жизнь особняка в двести пятьдесят комнат. Он также следил за работой органа в Большом банкетном зале, где мистер и миссис Вандербильт устраивали балы. Кроме ее отца в доме имелись повара, кухарки, угольщики, трубочисты, прачки, кондитеры, служанки, лакеи и прочие, и прочие.

Когда Серафине было десять лет, она спросила:

— Па, а у меня тоже есть своя работа, как у всех остальных?

— Ну конечно, есть, — ответил он.

Но Серафине не верилось: он говорил так, чтобы не огорчать ее.

— Ну и что это за работа? — не отставала она.

— Это очень важное дело, которое никто не способен выполнить лучше тебя, Сера.

— Ну скажи, па. Какое это дело?

— Полагаю, тебя можно назвать С.Г.К. Билтморского поместья.

— Что это значит? — взволнованно спросила она.